

Доклад Дм. Алексеева
«Демиург и Ялдаваоф, ошибочное отождествление»
на Международном научном симпозиуме
«ПУТИ ГНОЗИСА: МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
И ГНОСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ»
12 апреля 2013 г.
в Российском Государственном Гуманитарном университете, Москва.

Валентинианское Изложение с приложениями, фрагментом о помазании, двумя фрагментами о крещении и двумя фрагментами о евхаристии является вторым произведением в XI Кодексе Наг-Хаммади и занимает в нем страницы 22-44. Сохранность рукописи очень плохая, от текста сохранились отдельные отрывки с лакунами, частично восстановленными издателями. Большая часть памятника, сохранившегося в единственном экземпляре, утрачена безвозвратно. Текст Изложения является переводом с несохранившегося греческого оригинала на субахмимский диалект коптского языка. В рукописи текст не озаглавлен, либо заглавие утрачено; название «Валентинианское Изложение» дано издателями в XX веке. Рукопись, как и остальные кодексы Наг-Хаммади, датируется IV веком.

В целом изложение, к сожалению, чрезвычайно фрагментарное, соответствует свидетельствам отцов ересиологов, прежде всего Ириней Лионского, о взглядах гностиков школы Валентина. Однако в тексте сохранились два чрезвычайно важных свидетельства, на которых нам хотелось бы остановиться подробнее.

1. Доктрина Троицы.

На стр. 22-24, то есть в самом начале произведения, излагается учение об Отце (Боге), Его пребывании в Единичности (Монаде) и Молчании, как Его паре, сизигии. Таким образом, Отец и Его Молчание составляют первую пару, которая затем, разворачиваясь в Четверицу, порождает Единородного Сына. Здесь мы видим отмеченную и в ряде других гностических источников троицу «Бог (Разум, νοϋς) – Молчание (в ряде текстов также Первая Мысль (πρωϊα / πρωτενωϊα) и Барбело) – Единородный Сын (Слово, λογος)». Смысл этого построения прост: Разум, пребывая в Молчании и Своей первой Мысли, которая и является его молчанием, изрекает эту мысль в Слово. С наибольшей ясностью это высказано в Неозаглавленном трактате из Кодекса Брюса (в русском переводе «Книга величия Отца» [Евангелие Истины, Ростов н/Д, 2008, стр. 446-447]), стр. 53: «И они прославили Одного единственного, и Мысль, Которая в Нем, и Слово Умное. И они прославили Трех, Которые — Один Единый». В библейском контексте, в частности, в парафразе Бытия у евангелиста Иоанна троице «Разум (νοϋς) – Молчание / Первая Мысль (σῆμη / πρωτενωϊα) – Слово (λογος)» соответствуют Бог в Быт. 1:1, Дух Бога в Быт. 1:2 и изрекаемое Богом творческое Слово «да будет свет» в Быт. 1:3. Помимо прочего, именно аллюзией на это творческое Слово является световая символика в прологе Иоанна. Кроме того, троицам «Разум – Молчание / Первая Мысль – Слово» и «Бог – Дух – Слово» соответствует ещё одна троица «Отец – Мать – Сын», что очевидно в иврите, где слово «дух» (ruah) женского рода, но не очевидно в греческом, языке христианского богословия по преимуществу, в котором слово «дух» (πνευμα) среднего рода, и уже совсем не очевидно в латинском, где слово "дух" (spiritus) мужского рода. Исторически именно гностическая доктрина Троицы послужила основой для тринитарной

доктрины, сформулированной и принятой на Вселенских соборах, и совершенно не напрасно ересиарх Маркелл Анкирский, строгий монотеист в иудейском духе, называл своих православных противников «учениками еретика Валентина». К сожалению, как и многие другие идеи, позаимствованные христианством эпохи соборов у христиан-гностиков, тринитарная доктрина дошла до нашего времени в чрезвычайно сниженном и опошленном виде. В частности, отказ от понимания Духа как Матери, вызванный тем, что в греческом и латинском языках соответствующие термины не женского рода, поставил Дух в Троице на третье место, превратив его на Востоке в "иже от Отца исходящего", а на Западе в "исходящего от Отца и Сына" (*filioque*). Точно так же глубокая идея восхождения души через небесные сферы, позаимствованная из Поймандра Гермеса Трисмегиста [Поймандр Гермеса Триждывеличайшего, 25-26 // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада, М., 2001, стр. 20], сначала превратилась у христиан-гностиков в восхождение души через посты архонтов-мытарей, а затем окончательно деградировала у ортодоксальных христиан до известных «Мытарств преподобной Феодоры», к чему совершенно справедливо привлекает внимание протоиерей о. Кураев в своих лекциях.

Итак, Единородный Сын, в христианском контексте тождественный Иисусу Христу, одновременно является творческим Словом, которым сотворен мир. Именно на это указывают общеизвестные слова евангелиста Иоанна «Всё возникло посредством Него, и без Него не возникло ничто» [Перевод автора, русский Синодальный перевод не удовлетворителен, поскольку искажает текст] (Ин., 1:3) и апостола Павла «Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ<ов> много, — но у нас один Бог Отец, из Которого всё, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым (то есть "посредством Которого всё") всё, и мы Им» (1Кор. 8:5-6). Очевидно, что Христос, понимаемый у Иоанна как творческое Слово Бога, выступает не только у Иоанна, но и у Павла в роли посредника творения, то есть демиурга, если корректно применить этот термин эллинистической теософии.

II. Демиург.

В своем диалоге Тимей Платон вводит миф о демиурге следующим рассуждением: «Все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным. <...> Но мы говорим, что все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине. Конечно, творца и родителя этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать. И все же поставим еще один вопрос относительно космоса: взирая на какой первообраз работал тот, кто его устроил, — на тождественный и неизменный или на имевший возникновение? Если космос прекрасен, а его демиург благ, ясно, что он взирал на вечное; если же дело обстояло так, что и выговорить-то запретно, значит, он взирал на возникшее. Но для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин». Именно этот текст, в котором демиург выступает в качестве посредника творения между безличным платоновским Благом и сотворенным миром, является отправной точкой для любых последующих суждений о демиурге.

Термин "демиург" (δημιουργος) неоднократно встречается в коптских рукописях, дошедших до нас в составе библиотеки Наг-Хаммади. Приведём все эти случаи:

1. Традиционно приписываемый школе Валентина так называемый «Трехчастный трактат», ННС I, 104,35; 105,18:

«Сотворение человека подобно также и всему остальному (сотворению). Двигался Логос духовный в невидимости, совершая (105) его (т.е. сотворение человека) посредством Демиурга (ΠῦΜΙΟΡΓΟΣ) и его Ангелов-служителей, причем они являются соучастниками [с ним] в формировании (человека). [Он] задум[ал] со своими Архонтами — в то время как земной человек был (еще) подобен тени — чтобы он стал подобен [тем, которые] отделены от Всех, и был изготовлением их всех, Правых и Левых, причем каждый из [раз]рядов формирует [человека таким образом] каким он (т.е. разряд) существует. [Разряд,] который произвел Логос, [будучи] недостаточным как больной, не был подобен ему, потому что он произвел его в за[бытьи] неведения, и [ущербности], и всех прочих болезнях. Создав же первую форму, Логос (произвел ее) посредством Демиурга (ΠΑΝΜΙΟΥΡΓΟΣ) путем неведения (Демиурга), чтобы он (т.е. человек) получил знание, что существует Всевышний, и чтобы он знал, что нуждается в [Нем], то есть то, что Пророк н[аз]вал "дуновение жизненное", и "д[ыха]ние вышнего Эона", и "Невидимый", и это есть ду[ша] живая, оживившая си[лу], которая ранее была мертвой, ибо мертвое есть незнание» [Неопубликованный перевод покойной А.И. Еланской. Рукопись любезно предоставлена автору правообладателем Н.К. Герасимовым].

2. В публикуемом в настоящей работе «Валентинианском изложении».

ННС XI, 37, 33:

«Они духовные и плотские, небесные и земные, он сотворил для них место такого рода и школу такого рода для учения и для формы. И начал этот демиург (ΔΗΜΙΟΥΡΓΟΣ) создавать человека по своему образу, по подобию же существующих изначально» [Очевидная модификация в среде христиан из язычников первоначальной традиции, предполагающей, что человек «по образу и подобию Бога» создан Богом (Быт., 1:26), а человек «из праха земного» вылеплен создателем плоти (Быт., 2:7)].

ННС XI, 39, 16:

«Супруг же совершенный, и София с Иисусом, и ангелы с семенами это образы полноты. Демиург (ΔΗΜΙΟΥΡΓΟΣ) же затенил супруга и полноту, и Иисуса, и Софию, и ангелов, и семена».

Один раз, также в Валентинианском изложении, образованный от слова δημιουργος глагол δημιουργεῖν применен непосредственно к Иисусу, ННС XI, 35, 31:

«И он, Иисус, сотворил творение и создал (ΑΥΔΗΜΙΟΥΡΓΕΙ) из страстей, которые вокруг семян. И он отделил их друг от друга и страсти лучшие Он внес в дух, худшие же в плотское».

3. Помимо этого термин «демиург» присутствует также в считающемся не вполне гностическим произведении Поучения Силуана, ННС VII, 116, 8:

«Он знает все вещи до того, как они произойдут, и знает тайны сердца – все они открыты и ущербны пред Ним. Пусть никто никогда не говорит, что Бог незнающий, ибо несправедливо бросать создателя (ΠΑΝΜΙΟΥΡΓΟΣ) всех созданий в незнание. Ибо и пребывающие во мраке пред Ним как образ света» – в данном случае, поскольку саму фразу можно считать поздней ортодоксальной интерполяцией, перевод δῆμιουργος именно как «создатель» представляется вполне корректным.

4. Также интересующий нас термин дважды присутствует в коптской версии герметического трактата Асклепий. NHC VI, 73:

«Такова старость мира, безбожие и бесславие и бессловесность слов благих. Когда это происходит, о Асклепий, Тогда Господь, Отец и Бог, Бог-Демииург (ΠΑΝΜΙΟΥΡΓΟΣ), призрел на случившееся, и Свой совет, который благ, Он поставил над беспорядком. Он забрал заблуждение оттуда и зло — он отсекает его. Однажды Он погрузил его в великую воду, однажды же он сжег его огнем тяжелым и однажды Он уничтожил его войнами и язвами» [Неопубликованный перевод автора].

NHC VI, 75:

«Поэтому Бог властвует над высотой небес. Он во всяком месте и наблюдает за всеми местами, и в Его месте нет неба и нет звезд, и он чист от тела. Демииург (ΠΑΝΜΙΟΥΡΓΟΣ) же властвует над областью между землей и небом, – тот, кого называют Зевсом, то есть Жизнью» [Ibid].

Нетрудно убедиться, что во всех перечисленных случаях речь не идет о протоархонте Ялдаваофе и других демонических сущностях гностического мифа. Более того, в Валентинианском изложении «демииург» и «дьявол» упоминаются на соседних страницах, но у нас нет ни малейших оснований для предположения, что гностики, или хотя бы только гностики школы Валентина, их отождествляли.

Если рассмотреть образ демииурга в диалоге Платона «Тимей» и в более поздних герметических произведениях, станет очевидным, что речь идет о благом посреднике творения, но именно в роли посредника творения выступает Христос в писаниях Павла и Иоанна, которые уже были процитированы выше. При этом у Иоанна Христос отождествлен также с Логосом, тем словом «да будет свет», которое Бог произносит в Быт., 1:3. Поскольку не только весь пролог Иоанна, но и все его мировоззрение обусловлено неким парафразом, можно даже сказать "мидрашем" на Бытие, в нем просто не остается места для какого либо «демииурга» помимо Логоса-Христа.

Если обратиться к собственно гностическим сочинениям, придется отметить, что их авторы исходили из того же парафраза Бытия, в среде христиан из язычников, зачастую недостаточно знакомых с содержанием еврейской Библии и уж точно не знакомых с устной палестинской традицией, претерпевшего ряд модификаций, зачастую совершенно фантастических, но в общих чертах сохраняющего верность оригиналу. В частности, типология архонта Ялдаваофа последовательно воспроизводит типологию создателя плоти (Быт., 2:7) и смерти (Быт., 2:17) Яхве. Во избежание недоразумений следует сразу же отметить, что нигде в гностических источниках архонт Ялдаваоф не фигурирует в качестве «бога иудеев», однако все его злодеяния описываются именно по книге Бытия.

В различных произведениях коптской библиотеки с именем Ялдаваофа и иногда других демонов гностического мифа связаны сюжеты сотворения человеческой плоти из праха (Быт., 2:7); создания Евы из ребра Адама (Быт., 2:21-22); наречения Адамом имён животноым и птицам (Быт., 2:19); истории змея и древа познания (Быт., 3:1-13, часто повторяющийся сюжет); проклятия змея и людей (Быт., 3:14-19); рождения Каина и Авеля, причём отцом Каина прямо назван Ялдаваоф (ср. Быт., 4:1 и 1Ин., 3:12); «кожаные одежды» (Быт., 3:21) присутствуют только в Валентинианском изложении, но здесь они прямо связаны не с Ялдаваофом, а с дьяволом; жертвоприношения Каина и Авеля и убийства Каина Авелем (Быт., 4:3-12); схождения «сынов Божьих к дочерям человеческим» (Быт., 6:1-2); Ноя и потопа (Быт., 6:13-8:17), причём сам Ной иногда трактуется как положительный, а иногда как отрицательный персонаж [«И он сотворил деревянный ковчег, и тот, кого он нашел, вошел в него, и случился потоп. И так Ной спасся со своими сыновьями, ибо, если бы не было ковчега, чтобы люди вошли в него, не было бы и воды потопа» – Мысль нашей Великой Силы, ННС VI, 38-39 // Евангелие Истины, Ростов н/Д, 2008, стр. 414]; даже история сожжения Содома и Гоморры (Быт., 13:13; 19:24-25), причем содомляне прямо названы мучениками [«Содомляне же по воле величия засвидетельствуют (μαρτυρεῖν) вселенское свидетельство (μαρτυρία), они упокоятся в чистой совести, в месте своего покоя, то есть в нерожденном Духе» – Парафраз Сима, ННС VII, 29, перевод автора].

Но нигде, ни у Павла и Иоанна, ни в более поздних [Хотя *terminus ante quem* и для новозаветных писаний, и для центральных по своему значению текстов библиотеки Наг-Хаммади, Апокрифа Иоанна и Евангелия Истины, определяется сочинением Иринея «Против ересей», традиционно датируемым ок. 180 г.] гностических произведениях Яхве, выступающий под разными обозначениями, например, «князь мира сего», «бог века сего» и «горшечник» в Новом Завете, «первый архонт», «Ялдаваоф», «Самаэль», «Сакла» и даже «злое естество» в коптской библиотеке, не является посредником творения, то есть собственно демиургом, и никак не отождествляется с ним.

Единственный автор, у которого демиург постоянно коррелирует с божеством Яхве, это Иринея Лионский, но нет ни малейших оснований некритично принимать его свидетельство на веру именно в силу того, что Иринея был врагом христиан-гностиков и открыто об этом писал.

* * *

Итак, как нам представляется, изложенное позволяет отказаться от отождествления демиурга и «архонта Ялдаваофа» и, соответственно, поставить под сомнение выводы Гиллеса Квиспела в его во многом программной работе «Демиург в Апокрифе Иоанна» [Gilles Quispel, *The Demiurge in the Apocryphon of John*. // R. McL. Wilson (ed.) *Nag Hammadi and Gnosis. Papers read at the First International Congress of Coptology (Cairo, December 1976)*. (Nag Hammadi Studies XIV) Leiden: Brill, 1978]. Кроме того, продуктом некритичного восприятия творческого наследия Иринея Лионского становится и во многом революционная, заставившая пересмотреть выдвинутые Хансом Ионасом и Рудольфом Бультманом ошибочные представления о некоей самостоятельной «гностической религии», работа Майкла Аллена Уильямса «Передумывая "гностицизм". Аргумент в пользу отказа от сомнительного понятия», в которой он предлагает вообще отказаться от употребления термина «гностицизм» и использовать вместо него термин «библейские демиургические традиции», понимая под этими традициями «все те, которые приписывают сотворение и

обустройство космоса некоей низшей сущности или сущностям, отличным от высшего Бога» [Williams, Michael A. Rethinking "Gnosticism": an argument for dismantling a dubious category, Princeton, 1996, p. 51]. Поскольку упомянутые им «низшие сущности» в гностических писаниях никак не связаны с сотворением и обустройством космоса, а в Новом Завете в роли посредника творения, то есть, если мы сочтём корректным применение к парафразу книги Бытия, созданному не в эллинистической, а в семитской культуре, этого эллинистического термина, демиурга, выступает Логос-Христос.

Обсуждение.

Александр Леонидович Рычков: Друзья, у нас очень важная тема, можно сказать, переосмысление одного из мифов о гностицизме. Нам бы хотелось, чтобы своё мнение высказала Е.Б. Смагина, которая перевела несколько текстов из Наг-Хаммади и владеет этой темой.

Евгения Борисовна Смагина: Спасибо! Во-первых, я хотела бы сказать, что всё же есть источник, в котором демиург отождествлён с Ялдаваофом. Во-вторых, есть гностические книги, где творцом выступает не сам Ялдаваоф, а его порождение Саваоф, это тоже есть. С манихеями труднее, но, кстати, у манихеев в роли демиурга выступает Сакла.

Дмитрий Алексеев: Демиурги у манихеев благие божества.

Смагина: Смотря что под этим понимать. Я говорю "в роли творца перстных Адама и Евы", а в роли демиургов там выступают божества, они из хаоса создают мир. Но творцом Адама и Евы названы Сакла и его, так сказать, "самка". Но это особый вопрос, о документах.

Кроме того, говоря, что слово "дух" в языках христианства мужского или среднего рода, нужно не забывать про такой язык, как сирийский, язык едва ли не всего восточного христианства. А он семитский, и в нём слово "РУХА" женского рода, как и в еврейском.

Что касается валентинианского гнозиса, следует помнить, что границы гностических школ были далеко не столь чёткими, как это представляют ересиологи. К названиям, которым давали гностическим школам ересиологи, нужно относиться с осторожностью. Сами гностики, может быть, такого строгого различия школ и не проводили, тем более, что их учения не канонизированы, за исключением такой религии, как манихейство, где есть канон, но это особый случай. Так что границы между ними могут быть размыты, и, если у гностиков –валентиниан – по ересиологам – чего-то нет, это еще не значит, что этого не было. Просто ересиологам попалась книга, в которой это явление не отражено.

Алексеев: Вообще, типология, выделяющая как основные направления гностицизма "валентинианство" и "сифианство", более чем сомнительна. Хотя бы потому, что те комментарии, которые приписываются Валентину, являются комментариями на текст, полностью совпадающий либо близкий к Апокрифу Иоанна. А Апокриф Иоанна, в свою очередь, это центральный текст "сифианства". То есть, выстроенная научная типология по-своему хороша, но она отражает скорее ересиологическую, нежели гностическую реальность.

Роман Викторович Светлов: Спасибо за замечательный доклад! Собственно, любой тезис должен быть высказан резко, чтобы послужить предметом обсуждения. Сам я в гностических

лекциях называл Ялдаваофа демиургом. С другой стороны, один мой коллега переводил Исаака Себастократора "Об ипостасях зла". Это очередной пересказ Прокла, и там создатель называется "демиургом" без всяких проблем, – вот это называется "демиургия", это "эманация", это "креация" и так далее. Очевидно, слово "демиург" было полисеманлично, то есть определялось в контексте.

С точки зрения рассмотрения источников, Иринея Лионский упоминает о демиурге у валентиниановца Марка...

То, о чём я задам вопрос, я не так хорошо знаю, возможно, это более поздняя интерпретация. Мы помним такого то ли гностика, то ли не-гностика, как Маркион.

Смагина: Считается предшественником гностицизма.

Светлов: Он был чуть помладше Валентина или современником Валентина. Если у него можно говорить о "боге Ветхого Завета", и он представляет "Бога Нового Завета", насколько есть основания для такой семантики?

Смагина: Помимо всего прочего, говоря о том, что гностики отвергали Бога Ветхого Завета, отождествляли его с демиургом, нужно помнить, что они таковым считали Бога, которого рисуют нам исторические книги Ветхого Завета. Например, к Псалмам они относятся с полным уважением; в той же Пистис-Софии есть целые выдержки из Псалмов Давида, и ни к какому демиургу они не обращаются. Естественно, Пистис-София обращается именно к верховному Божеству. Или литература Премудрости, которую гностики совершенно явно использовали и трактовали в положительном смысле. Само имя Демиурга "Сакла", то есть "Глупец", очевидно, происходит из литературы Премудрости, не говоря уже о персонифицированной Софии. Это тоже вопрос, к которому нужно подходить с осторожностью.

Что касается Маркиона, действительно, одни считают его предшественником гностицизма, другие – нет. Естественно, он различал двух Богов, доброго и злого, но вполне вероятно, что он тоже имел в виду не Бога Ветхого Завета вообще, а исторических книг, который мыслителям, жившим уже в эпоху поздней древности, представлялся не совсем подходящим на роль благого божества: справедливый, мстительный, грозный Бог и так далее.

Алексеев: По Маркиону. От самого Маркиона не сохранилось ни строчки, а свидетельства ересиологов о нём позволяют думать, что он не был ни великим филологом, ни великим богословом. Он был просто состоятельным человеком, который много путешествовал по восточному Средиземноморью, посещал там христианские общины и собрал в них те тексты, которые позднее привёз в Рим. И со стороны Маркиона было полной глупостью пытаться лезть в богословие и спорить с теми пресвитерами Римской общины, которые в итоге "кинули" его на 200 000 сестерциев, и по существу – сравнивать образы Бога в еврейской Библии и в христианских писаниях, которые он же и привёз в Рим. Если цитаты из его "Антитез" у отцов-ересиологов являются подлинными, Маркион просто занялся глупостью и не своим делом.

Далее, по "богу Ветхого Завета". Никакого "бога Ветхого Завета" не существует. Существует Бог, Который соответствует "неведомому гностическому Божеству", в первой главе Бытия до третьего стиха второй главы. И существует бог Яхве, который в Новом Завете обозначен как

"князь мира сего", а у гностиков как архонт Ялдаваоф, это вторая глава книги Бытия, начиная с четвертого стиха. Почему я только что зачитывал типологии? – это всё деяния Яхве, включая сожжение Содомы и Гоморры, и везде ему дается негативная оценка. Причём я ещё раз подчеркну: всё это происходило не в языческой среде, а внутри иудаизма, именно там, в Палестине, скорее всего, в Галилее. Потому, что, оказавшись уже в языческой среде, эта мифология начинает деградировать, редакторы-гностики не опознают библейских цитат и происходит такой процесс.

Смагина: С этим можно поспорить. Извините, но в Новом Завете Яхве князем мира сего не называется и с ним не отождествляется.

Алексеев: Прошу прощения, а кто там назван "князем мира сего"?

Смагина: В интерпретации Писания с точностью до наоборот внутри иудаизма я очень сомневаюсь.

Алексеев: Однако исследователи-евреи Г.Г. Струмза и И. Грюнвальд об этом пишут.

Слушатель: Если я не ошибаюсь, "ЭЛОХИМ" с древнееврейского переводится как множественное число, "боги". Согласно теософской доктрине, их было восемь...

Алексеев: Неважно, сколько конкретно. Эта тема поднимается уже с начала XX века, и я её знаю. "ЭЛОХИМ" в данном случае это "множественное величия". То есть в Ветхом Завете "ЭЛОХИМ" многократно присутствует и как множественное число, "ЭЛОХИМ" вообще достаточно многозначное слово в библейском иврите (не в современном, современным я не владею), но принципиально важно, что "ЭЛОХИМ" во множественном числе применяется не к Богу. С другой стороны, яркий пример: змей говорит Адаму и Еве "будете как боги". Это и в греческом переводе, и в русском, и в церковно-славянском, и в каком угодно. На самом деле, змей говорит Адаму и Еве "будете как Бог" – Тот Самый Бог из первой главы Бытия; и как раз здесь перевод множественным числом ошибочен, ибо речь идёт опять же о множественном величия.

Слушатель: Может быть, эти семь или восемь ЭЛОХИМ и были демиургами?

Алексеев: Нет. Имеются в виду совершенно другие вещи. Я же только что сказал: демиург это Логос-Христос. В иудейском контексте демиург появился значительно позже, чем в христианском. Это ангел Метатрон, и это уже глухое средневековье...

Ирина Александровна Протопопова: Большое спасибо, Дмитрий! Когда я слушала Ваш доклад, меня вдруг осенила такая вещь. Дело в том, что я сейчас перевожу платоновского "Софиста", – хочу вернуться к Платону, поскольку у нас секция всё-таки платоническая, – и, естественно, я не только его перевожу, но и пытаюсь комментировать. А речь в этом диалоге "Софист", прямая посылка, прямая задача, – найти софиста, поймать его, отличить софиста от философа. На первый взгляд они очень похожи: и тот, и тот говорит слова и т.д. и т.п. И вот, когда Вы говорили об отличии демиурга от Ялдаваофа, мне показалось, что это очень красивая аналогия, которая ложится в поиск софиста и философа. Почему? Как они определяют софиста? – Сначала говорится, что и софист тоже производитель, не только приобретатель (там различаются производитель и приобретатель). Вроде бы софист должен быть, по всей логике, только приобретающим, но нет, он и производитель тоже. Что он

производит? Прежде всего, тексты, разумеется. Но он не называется демиургом. Демиургом называется некто другой – тот, который что-то лепит и т.д. И теперь возвратимся к "Тимею", о котором Вы говорили. Кто такой демиург там? Это тот, кто действительно взирает на некий образец, и по этому образцу создаёт космос. Если мы вспомним "Тимея", в центре находится некий незримый, невидимый принцип, который воплощается вовне. Этот же принцип лежит в основе создания текста, настоящего. В этом смысле автор работает как демиург и создаёт вещь. Он, как говорится в "Софисте", "правильный подражатель", "знающий", точнее, "подражатель". То есть это тот создатель текста, который взирает на некий первопринцип как демиург. И в этом смысле софист отличается от правильного, знающего подражателя именно тем, что он нечто создаёт, но создаёт, не зная этого первопринципа, не глядя на него. И в этом плане метафорически можно сказать, что софист оказывается «Ялдаваофом», но не демиургом. Потому, что он создаёт, не зная этого первопринципа, не глядя на него. И в этом плане метафорически можно сказать, что софист оказывается «Ялдаваофом», но не демиургом. Потому, что он создаёт не вещь, а некую подделку...

Алексеев: Пародию.

Протопопова: Некую пародию, некий симулякр.

Алексеев: Ялдаваоф – это именно великий пародист Вселенной.

Протопопова: Совершенно верно! И, значит, софист.

Светлов: В порядке академической шутливости: в "Софисте" написано, что софист считался демиургом, но подлунного мира.

Рычков: Коллеги, позвольте подвести итоги, поскольку тема вызвала достаточно большую дискуссию, я хотел бы лишь сделать несколько пометок и ремарок. Первая из них касается того, что, когда Маркион приплыл к пресвитерам, эти пресвитеры были значительно большими еретиками, чем сам Маркион, поскольку они считали Иисуса воплощением Яхве.

Алексеев: Скорее, просто аватарой, чем "воплощением".

Рычков: Это известно – они сами страдали ересью. Поэтому для них [проповедь Маркиона] была особенно болезненной. Именно для данных пресвитеров данной конкретной ереси. Кроме того, Тертуллиан в своей книге "Против валентиниан", а за ним и Иринея Лионский, о котором упоминал Р.В. Светлов, передали тот самый миф, который я увидел в Вашем переводе и в Ваших цитатах из "Валентинианского Изложения". Вы об этом не сказали, и я хотел бы обратить на это Ваше внимание. Тертуллиан и Иринея рассказали об Иисусе, который крестом свесился из Плеромы и отделил страсти Софии, как вы помните...

Алексеев: Да, это здесь есть, но это я просто оставил за рамками...

Рычков: На основании этого мифа об отделении страстей Софии наш религиозный философ Владимир Соловьёв даже написал стихи:

Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано –

писал он, поскольку из слёз Софии возникли воды, из смеха – свет, а из остального υλη – материя. Так вот, Вы это сказали об Иисусе-Демииурге, который – цитирую Вас – «и Он отделил их друг от друга и страсти лучшие Он внес в дух, худшие же в плотское»... это практически прямая цитата из этого самого мифа.

Алексеев: В данном случае, это оригинал.

Рычков: Вы думаете, что это оригинал того, к чему обращался Тертуллиан?

Алексеев: Думаю, да. По крайней мере, я полагаю, что это одна из его версий.

Рычков: В таком случае, это та аннотация, которая должна быть упомянута, поскольку Иисус здесь отождествляется с Иисусом Христом [в Плероме], и, в данном случае, оказывается Демииургом по определению. То есть я хотел сказать, что в данном случае именно на основании этого мифа то, что Иисус – Демииург оправдан, ибо Иисус в мифе валентинианском именно творит материю из страстей.

Алексеев: Да, разумеется. То есть у валентиниан просто иной подход к тому же самому.

Рычков: В данном случае демииургом Он является как горшечником, а не платоновским Демииургом?

Алексеев: Нет. Всё-таки горшечник – это конкретно создатель человеческой плоти и ничего более. Почему он, собственно, горшечником и назван: потому что он из глины производит – там еврейский глагол «*ецар*» – то есть это именно лепка из глины. Теперь, кстати, «земля горшечника выкуплена ценой крови Иисуса» – это земля *того самого* горшечника.

Рычков: То есть Вы всё-таки полагаете, что здесь можно обращаться к платоновской коннотации?

Алексеев: Да, безусловно. То есть как раз «Валентинианское Изложение» является свидетельством знакомства с платонизмом. То есть валентинианство – это христианский платонизм. Это очевидно.

Рычков: Спасибо Вам, Дмитрий, за продолжение того самого «пересмотра гностицизма», которое начал Уильямс в своей книге «Пересматривая “гностицизм”» где было, собственно говоря, и указано, что многие понятия, включая сам “гностицизм”, нужно писать в кавычках именно из-за не совсем адекватных сообщений ересиологов.

Алексеев: В том числе и по этой причине.

Рычков: Я так понимаю, что Ваш доклад можно трактовать и так, что ересиологи, передавая идентичное определение Демииурга и Иалдабаофа просто не поняли валентиниан – либо поняли слишком ограниченно, либо...

Алексеев: ...либо сознательно запутывали читателя, такое тоже возможно.

Рычков: Ну, не будем так походя отзывать об отцах церкви, давайте просто решим, что они не поняли.

Алексеев: Дело в том, что давайте не будем плохо говорить, но для меня изучать гностиков по ересиологам – это примерно то же, что историю евреев первой половины 20-го века по Геббельсу. (СМЕХ, АПЛОДИСМЕНТЫ)

Рычков: Мы позволили себе столь долгие дискуссии по гнозису потому, что у нас нет третьего докладчика. Теперь мы можем считать, что третий доклад состоялся, он был коллективным: это было наше коллективное творчество.

Светлов: Он был утаенный.

Рычков: Да, то есть он соответствовал тому самому *утаенному знанию*, гнозису, которому и посвящена вся наша конференция.